
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340.15

DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(1).5-15

РОССИЯ: СОБСТВЕННОСТЬ И ГОСУДАРСТВО. ИЗ ИСТОРИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ (Часть II)*

А.В. Бутаков

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

07 июня 2020 г.

Дата принятия в печать –

20 августа 2020 г.

Дата онлайн-размещения –

15 апреля 2021 г.

Ключевые слова

Способ организации собственности, структура государства, нормативный структурализм, приватизация, собственность, Конституция, постсоветская Россия

Актуальность статьи обусловлена существованием пробела в исследовании собственности и государства как единого системного отношения. Цель статьи – показать на примере постсоветского правоприменения, что каждый способ организации собственности – частный, смешанный (корпоративный), общий (коллективный) – потенциально стимулирует существование определенной структуры государства. Используется авторская методология исследования государства – нормативный структурализм. Обосновывается теоретическая концепция авторского исследования собственности как основной системообразующей цели существования государства, которая позволяет расширить спектр инструментальных средств изучения российской государственности.

RUSSIA: PROPERTY AND STATE. THE HISTORY OF POST-SOVIET LAW ENFORCEMENT (Part II)**

Alexander V. Butakov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2020 June 07

Accepted –

2020 August 20

Available online –

2021 April 15

Keywords

Way of organizing property, state structure, normative structuralism, privatization, property, Constitution, post-Soviet Russia

The subject. The relevance of the article is stipulated by the gap in the study of property and the state as a consistent system.

The purpose of the article is to confirm or disprove the hypothesis that each way of organizing property such as private, mixed (corporate) and general (collective) potentially stimulates the existence of a certain state structure.

The methodology. The author uses normative structuralism. This methodology is created by the author and is based on the idea that property as the main system-forming goal of the state's existence predetermines principles of rationing its structure genetically.

The main results of the research. Each way of organizing property in a particular social time period can acquire the quality of the main backbone in the organization structure of the state. Each way of organizing property provides proper social function: private way of organizing property provides function of social development; mixed (corporate) way provides function of social compromise (convergence); general (collective) way provides function of social security in the broadest sense. If private way of organizing property genetically programmed for the production and reproduction of social competition, mixed (corporate) and common (collective) ways are determined by the idea of its limitations and leveling. When the private way of organizing property becomes the main system-forming one it begins to fully stimulate the existence of a democratic structure of state organization. In turn, when mixed (corporate) and common (collective) ways of organizing property become the main system-forming ones,

---

* Начало см.: Правоприменение. 2020. Т. 4, № 3. С. 5–15. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).5-15.

** See the first part in: *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 5–15. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).5-15.

they stimulate the existence of a wide structural range of state functioning: from various regimes of democratic orientation to specific non-democratic regimes.

Conclusions. The study of property as the main system-forming goal of the state existence through the normative structuralism concept allows us to conclude that that each way of organizing property stimulates the existence of a certain state structure.

4. Вопросы собственности в Конституции РФ

Убегая от социализма, как от чумы, номенклатура государственной бюрократии, внешне как бы освободившись от догматов марксистско-ленинского учения, ментально в рамках узкокорпоративного сознания осталась по существу прежней в своём стремлении к монопольному всемогуществу. Номенклатура государственной бюрократии, формулируя концепцию своего постсоветского функционирования как строительство суверенной демократии, пыталась сконструировать определённый политический водораздел, позволяющий ей дистанцироваться от идеологии социалистического развития (см. [1–6]). В результате на понятийном уровне возникла определённый ментальный парадокс.

Что такое советский социализм? Это общественный строй, в котором общий (коллективный) способ организации собственности выступает в качестве основного системообразующего и где государственная собственность есть его доминирующая форма. Теперь мы строим государственный капитализм. А что такое государственный капитализм? Это общественный строй, в котором общий (коллективный) способ организации собственности может выступать в качестве основного системообразующего и где государственная собственность может быть его доминирующей формой.

Таким образом, и социализм – государственный, и капитализм – государственный. Отличие советского социализма от государственного капитализма принципиально в одном. Если советский социализм насильственно ликвидировал частный способ организации собственности, то при государственном капитализме он действует в комбинации с иными способами организации собственности (смешанным (корпоративным) и общим (коллективным)), но при этом последний может осуществлять качество основного системообразующего (см. [7–10]).

Стремление современной номенклатуры государственной бюрократии дистанцироваться от всего советского социалистического и обусловило суще-

ственную степень понятийной неопределённости в смысловом содержании ст. ст. 8–9 Конституции РФ, вследствие чего в «Основах конституционного строя» собственность как основная системообразующая цель государства регламентирована по принципу «ни рыба ни мясо» (см. [11–15]). Собственность как основная системообразующая цель современного Российского государства, не получив своего однозначного конституционного разрешения, обуславливает существование следующих политических процессов.

Во-первых, отсутствие единого целеполагания оставляет без ответа важнейший социальный вопрос: какое государство мы собираемся строить?

Во-вторых, неопределённость государственного целеполагания стимулирует генерацию соответствующей аморфности общественного сознания. Это не способствует формированию зрелого гражданского общества с высокой степенью морально-политической консолидации.

В-третьих, неопределённость целеполагания делает политическое «плавание» номенклатуры государственной бюрократии свободным, что позволяет ей произвести искусственное замещение базовой системообразующей цели целью своего узкокорпоративного существования и процветания.

В-четвёртых, отсутствие определённой системообразующей цели функционирования современного Российского государства раз за разом будет его приводить к номенклатурно-бюрократическому строительству очередного политического «величества». При неясности цели всегда проще объяснить жизненную необходимость «предсказателя-кормчего» и, в случае неудачи, переложить на него всю политическую ответственность.

4.1. Закрепление вопросов собственности во второй главе Конституции РФ

Возвращаемся к анализу текста статей Конституции РФ¹, посвящённых собственности. Глава вторая «Права и свободы человека и гражданина», ст. ст. 35, 36, 44.

Статья 35 Конституции РФ гласит:

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 25 декабря ; Конституция Российской Федерации (с учетом

поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

«1. Право частной собственности охраняется законом.

2. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами.

3. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

4. Право наследования гарантируется».

Начнём с п. 1: «Право частной собственности охраняется законом».

В отношении частной собственности – понятно. Непонятно другое. А право государственной собственности? А право муниципальной собственности? Мне могут сразу возразить, что глава вторая Конституции РФ непосредственно посвящена лишь основным правам и свободам человека и гражданина. И при чём здесь государственная и муниципальная собственность? Вот именно в этой главе и должна идти речь о суверенном праве гражданина на участие в управлении государственной и муниципальной собственностью. У нас же есть государственная собственность, есть муниципальная собственность, сформированные непосредственно и опосредованно из средств российского гражданина-налогоплательщика. В итоге: всё, что можно с гражданина взять, взяли, а что делать с государственной и муниципальной собственностью – решит бюрократическая номенклатура (см. [16–20]). Закреплённое же право гражданина на участие в управлении государственной и муниципальной собственностью, возможно, по мысли номенклатурной бюрократии, будет лишь мешать её эффективной деятельности. И главное в этом праве на участие гражданина в управлении государственной и муниципальной собственностью – это право на осуществление общественного контроля за рациональным использованием государственной и муниципальной собственности номенклатурно-бюрократическим истеблишментом.

Мне могут вновь возразить, что в современном федеральном законодательстве закреплены различные формы существования общественного контроля, и с этим можно согласиться. Но вот только право гражданина на осуществление общественного контроля за эффективностью использования государственной и муниципальной собственности в Конституции РФ почему-то забыли прописать.

Пункт 2: «Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоря-

жаться им как единолично, так и совместно с другими лицами».

Здесь употребляется общепринятое синонимическое тождество: право собственности как владение, пользование, распоряжение. В условиях существования классических форм земельного капитала, промышленного капитала – подобная понятийная триада, вполне возможно, соответствовала ментальным условиям развития. В настоящее же время, когда финансовый капитал в различных формах его проявления приобрёл качество системообразующего в глобальном экономическом пространстве, употребление понятийной категории собственности на основе тождества «владеть – пользоваться – распоряжаться» во многом является отпечатком прошлого.

Обратите внимание на оборот «иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им».

Во-первых, если имущество отождествляется с собственностью, то где здесь такой объект собственности, как интеллектуальная (п. 1 ст. 44 Конституции РФ)?

Во-вторых, использование юридической конструкции «владеть – пользоваться – распоряжаться» в качестве права собственности вызывает ряд принципиальных вопросов. Что такое собственность? Что такое право на собственность? Где формальные границы между владением, пользованием и распоряжением? Чем отличается владение от пользования, распоряжение от владения, пользование от распоряжения? Если один из этих элементов, с точки зрения правоприменителя, отсутствует или эти элементы в своём понятийном смысле существенно поглощают друг друга, тогда всё это приводит правоприменение в состояние неопределённости.

В-третьих, каждый из нас вправе иметь собственность или имущество в собственности. Подобная дифференциация также имеет важнейшее значение для правоприменения, и мы это увидим на примере п. 3 ст. 35: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения». Где же здесь собственность? Нас лишают имущества, у нас его принудительно отчуждают, но нас не лишают собственности. Что же это? Очередное политическое лукавство?

Наконец, п. 4 ст. 35: «Право наследования гарантируется». Сразу возникает вопрос: кем и в какой

правовой форме? И опять мы сталкиваемся с неопределённостью, которая, как правило, порождает произвольность правоприменения номенклатурой государственной бюрократии.

Рассмотрим содержание ст. 36 Конституции РФ.

«1. Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю.

2. Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.

3. Условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона».

По п. 1. «Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю». Если частная собственность гражданина на землю – это понятно, то что такое частная собственность объединения граждан? Могут быть различные формы общего (коллективного) способа организации собственности, могут быть различные формы смешанного (корпоративного) способа её организации, но вот иметь частную собственность объединения граждан на землю – вызывает большие сомнения.

Относительно п. 2: «Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц». Возникает определённое понятийное ассорти.

Во-первых, «Право частной собственности охраняется законом» (п. 1 ст. 35). Но в то же время нас лишают не собственности, а имущества по решению суда (п. 3 ст. 35).

Во-вторых, у нас действует не общий институт собственности, а его различные вариации: имущественная собственность (п. 2 ст. 35), интеллектуальная собственность (п. 1 ст. 44, п. «о» ст. 71), земельная собственность (ст. 9, п. 2 ст. 36), природная собственность и иные ресурсные (ст. 9, п. 2 ст. 36).

В-третьих, возникает ещё одно понятийное смешение: если нас лишают не собственности, а лишь имущества по решению суда (п. 3 ст. 35), тогда что делать с интеллектом, землёй, природой и иной ресурсной собственностью, которая здесь не вписывается в понятие имущество?

В-четвёртых, то у нас собственность, то «владение, пользование, распоряжение» (п. 1–2 ст. 35, п. 2 ст. 36, пп. «в» п. 1 ст. 72). Здесь юридическая триада «владеть – пользоваться – распоряжаться» есть монолит этих трёх элементов, посредством которых происходит реализация права собственности. Буквально следующий пункт (п. 3 ст. 36) – «Условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона». Эта редакция порождает иной вопрос по триаде права собственности, так как условия и порядок пользования землей выносятся за рамки этой триады. То есть владение и распоряжение землёй как бы должны определяться в иной правовой форме. В земельном и градостроительном законодательстве РФ, действительно, используется устойчивое профессиональное понятие «землепользование» (см., например, ст. 11 Земельного кодекса РФ²; ст. 1 Градостроительного кодекса РФ³). В п. 3 ст. 36, скорее всего, речь о нём и идёт. Употребление же понятия «пользование землёй» разрушает логику единства юридической триады «владеть – пользоваться – распоряжаться» в качестве понятия права собственности.

4.2. Закрепление вопросов собственности в третьей главе Конституции РФ

Рассмотрим содержание других статей Конституции РФ, в которых используется термин «собственность» или его юридический квазиэпоним «владение, пользование, распоряжение». Это ст. ст. 71, 72, 114, 130, 132.

В ст. 71, определяющей предмет ведения Российской Федерации, нас интересует содержание п. «д» и п. «о»: «д) федеральная государственная собственность и управление ею»; «о) судостроительство; прокуратура; уголовное и уголовно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское законодательство; процессуальное законодательство; правовое регулирование интеллектуальной собственности».

Содержание пункта «д» «федеральная государственная собственность и управление ею» вызывает один вопрос. В пп. «г» п. 1 ст. 114 Конституции РФ указано: «Правительство Российской Федерации... осуществляет управление федеральной собственностью». В одном случае речь идёт о федеральной государственной собственности, в другом – о федеральной собственности. Так чем же управляет Пра-

² «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

³ «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ч. 1. Ст. 16.

вительство РФ: федеральной собственностью или федеральной государственной собственностью?

Более сложным является вопрос о структуре пункта «о» данной статьи. Как известно, «право собственности» – это важнейший и неотъемлемый институт гражданского законодательства РФ⁴, о чём свидетельствует положение п. «о». Но чуть дальше в этом же пункте отдельно фиксируется позиция о «правовом регулировании интеллектуальной собственности». Если бы правовое регулирование интеллектуальной собственности не входило в систему гражданского законодательства РФ, тогда такое персональное выделение подинститута «интеллектуальная собственность» было бы понятным. Но когда в рамках единого Гражданского кодекса РФ «интеллектуальная собственность» урегулирована как правовое явление, это персональное выделение вызывает глубокую озабоченность относительно единства гражданского законодательства.

В ст. 72 Конституции РФ, устанавливающей предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации пп. «в» п. 1 фиксируется: «вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами», а чуть ниже в пп. «г» п. 1 закрепляется вопрос о «разграничении государственной собственности». Все те правовые «болячки», которые выделялись в содержании текстов статей 35–36, нашли своё выражение в положениях указанных подпунктов «в» и «г». В одном случае речь идёт о вопросе владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами... в другом – о вопросе разграничения государственной собственности. То есть правовая неопределённость положений ст. ст. 35–36, по существу, перекечевала в положения пп. «в» и «г» ст. 72.

Понятно, что любое имущество, а тем более земля, недра, водные и другие природные ресурсы, имеет определённую точку координат на конкретной территории, на которой проживают граждане РФ, сначала в параметрах местного самоуправления, затем – субъекта Российской Федерации и, наконец, Российской Федерации в целом (см. [21–25]). Точно так же бюрократическая номенклатура в зависимости от территориального расположения подразделяется на муниципальную, субфедеральную и федеральную, а, как известно, «земля, недра, водные и

другие природные ресурсы» имеют конкретную точку координат и конкретное территориальное расположение.

В отличие от этого территориального признака формирования муниципальной, субфедеральной и федеральной бюрократии, вертикаль её номенклатуры формируется по иному признаку – не «снизу вверх», а «сверху вниз». Поэтому правовой статус номенклатуры государственной бюрократии федерального уровня всегда будет обладать высшей юридической прерогативой по отношению к соответствующим подразделениям субфедеральной и муниципальной бюрократии. По отношению к муниципальной бюрократии здесь речь идёт не о прямом администрировании её деятельности, которое недопустимо в соответствии со ст. 12 Конституции РФ, а об иерархии законодательства, в которой каждый уровень бюрократической номенклатуры имеет свой правовой ресурс регулирования.

Российская Федерация – одна из самых богатейших стран в мире по земельным и природным ресурсам. Понятно стремление каждого из подразделений номенклатурной бюрократии: федеральной, субфедеральной и муниципальной – преумножить своё влияние на распределение этих богатств. В результате номенклатура федеральной бюрократии под политическим давлением со стороны субфедеральной и муниципальной, пытающихся хоть в какой-то мере защитить свой правовой ресурс в распределении земельных и природных богатств, была вынуждена сделать некую политико-правовую уступку в виде п. 1 ст. 9 Конституции РФ, где было закреплено положение: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Это позволяло субфедеральной и муниципальной номенклатурной бюрократии хоть каким-то образом влиять на распределение земельных и природных богатств, отстаивая и защищая как бы интересы соответствующей территории (см. также Федеративный договор от 31 марта 1992 г.).

Сделав эту политико-правовую уступку, номенклатура федеральной бюрократии усилила свой политический ресурс за счёт введения в текст Конституции РФ формулы «владение, пользование, распоряжение» имуществом, землёй и иными природными ресурсами, уйдя от фиксации конкретной фор-

⁴ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законода-

тельства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Раздел II. «Право собственности и другие вещные права».

мулы понятия «собственность». В чём смысл этой юридической комбинации?

Во-первых, и это бесспорно, право собственности – неотъемлемый институт гражданского законодательства и предмет исключительного ведения РФ.

Во-вторых, если бы номенклатура федеральной бюрократии конкретно зафиксировала это право без введения положения п. 1 ст. 9 и закрепления формулы «владение, пользование, распоряжение», мне представляется, что итоги всенародного референдума 12 декабря 1993 г. могли быть иными.

В-третьих, введение формулы «владение, пользование, распоряжение» являлось политическим компромиссом. С одной стороны, он обеспечивал поддержку номенклатуре федеральной бюрократии со стороны субфедеральной и муниципальной, с другой – давал номенклатуре субфедеральной и муниципальной бюрократии определённую надежду, исходя из положения п. 1 ст. 9 Конституции РФ, хоть каким-то образом ограничить правовой ресурс номенклатуры федеральной бюрократии.

Представьте себе пп. «в» п. 1 ст. 72 Конституции РФ в следующей редакции: «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся... в) вопросы собственности на землю, недра, водные и другие природные ресурсы». При закреплении данной формулы, очевидно, невозможен политический компромисс, так как он впрямую противоречит положению, где право собственности есть неотъемлемый институт гражданского законодательства, находящегося в ведении РФ. Закрепление же формулы «владение, пользование, распоряжение» позволяло номенклатуре федеральной бюрократии, как бы делая политико-правовую уступку субфедеральной и муниципальной, иметь беспроигрышный вариант на свой стратегический приоритет в силу п. «о» ст. 71 Конституции РФ. Каждый играл в свою игру, понимая, каким будет, возможно, окончательный итог, надеясь при этом получить своё соответствующее удовлетворение в этом процессе перманентной «купли», «продажи» и «перепродажи» своих целей и интересов.

Политическая природа пп. «в» п. 1 ст. 72 Конституции РФ о введении формулы «владение, пользование, распоряжение», позволяющей как бы уйти от прямого противоречия с п. «о» ст. 71 Конституции РФ, подтверждается в определённом смысле положением пп. «г» п. 1 данной статьи: «разграничение государственной собственности». Здесь уже авторы проекта Конституции РФ не сочли нужным использовать формулу «владение, пользование, распоряже-

ние», придя к тривиальному использованию понятия «собственность».

Что такое разграничение государственной собственности, когда в самом тексте Конституции РФ есть лишь термины «государственная собственность» (ст. ст. 8–9), «федеральная государственная собственность» (п. «д» ст. 71)? В то же время в тексте Конституции РФ отсутствует термин «государственная собственность субъекта Российской Федерации». О каком разграничении государственной собственности идёт речь? Ведь разграничить государственную собственность можно лишь между Российской Федерацией и субъектом Российской Федерации. Но субъект Российской Федерации не конституирован в качестве собственника. Тогда о каком разграничении государственной собственности может идти речь?

По факту это будет наделение Российской Федерацией соответствующего субъекта Российской Федерации определённой частью имущества, земли, иного природного ресурса, являющихся федеральной государственной собственностью, но отнюдь не разграничение государственной собственности. В этом механизме наделения государственной собственностью субъекта Российской Федерации заключается особенность нашего государственного устройства в форме унитарной как бы федерации.

Реальная федерация организуется «снизу вверх» при первоначальной юридической фиксации своей собственности как собственности субъектов федерации. В нашем случае каждый из субъектов РФ уже после подписания Федеративного договора от 31 марта 1992 г. наделялся соответствующей частью государственной собственности. Подобный процесс наделения государственной собственностью субъектов РФ изначально определил генерацию нашего государства как унитарного, дальнейшая жизнедеятельность которого может получить, а может и не получить организационные контуры реального существования федеративного устройства.

Всё будет зависеть от формирования определённой конфигурации существования способов организации собственности в параметрах нашей государственности. Если общий (коллективный) способ организации собственности в своих формах, и прежде всего государственной, приобретёт значение основного системообразующего, то практическая реальность унитарной формы государственного устройства нам будет обеспечена в ближайшей социальной перспективе.

4.3. Закрепление вопросов собственности в иных главах Конституции РФ

Формальное замечание по статье 114 Конституции РФ касательно несоответствия терминов «федеральная собственность» и «федеральная государственная собственность» (п. «д» ст. 71) я уже высказал. Перейдём к рассмотрению содержания ст. ст. 130 и 132 Конституции РФ, закрепляющих основы существования местного самоуправления в Российской Федерации в части регулирования муниципальной собственности.

Пункт 1 ст. 130 Конституции РФ: «Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью».

Вновь мы сталкиваемся с комбинированной формулой «владение, пользование, распоряжение муниципальной собственностью». Территория муниципального образования или территория местного самоуправления – это пересечение многочисленных интересов различных подразделений номенклатурной бюрократии: федеральной, субфедеральной и непосредственно муниципальной. На этой территории могут быть расположены имущество, земля, недра, водные и иные природные ресурсы.

Я уже отмечал: когда на территории возникает сложная архитектура интересов федеральной, субфедеральной, муниципальной номенклатурной бюрократии, тогда в тексте Конституции РФ, как правило, используется расширенное понимание собственности в виде «владения, пользования, распоряжения», которое позволяет формировать широкое понятийное пространство, где можно искать и находить значительное многообразие политических компромиссов с точки зрения номенклатуры федеральной бюрократии для обеспечения целевого приоритета федеральной государственной собственности. В конечном итоге эти политико-правовые манипуляции федеральной номенклатурной бюрократии раз за разом оставляют муниципальные образования и субъекты Российской Федерации у «вечно разбитого корыта», забирая с их территорий большую часть от произведённого прибавочного продукта.

Хочу обратить внимание ещё на один нюанс. Пункт 1 ст. 132 Конституции РФ: «Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану

общественного порядка, решают иные вопросы местного значения, а также в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи». Для меня особый интерес вызывает словосочетание «органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью».

Во-первых, кто является собственником муниципальной собственности: муниципальные образования или органы местного самоуправления? Во-вторых, если муниципальное образование является собственником, то только оно может уполномочить орган местного самоуправления на управление этой собственностью. В-третьих, если орган местного самоуправления есть собственник муниципальной собственности, то кто тогда может его уполномочивать на самостоятельное управление ею? В общем, как говорится, небрежности и неточности в тексте нашей Конституции нашли своё отражение.

5. Заключение

При завершении исследования текста статей Конституции РФ, регулирующих отношения собственности, можно утверждать, что она не содержит понятия о том, что любая собственность священна и неприкосновенна, а уж тем более – частная. Случайно ли это? На мой взгляд, нет. Пришедшая на смену социалистической партийно-государственной номенклатуре номенклатура нового типа – государственно-бюрократическая, сконструировав в Конституции РФ чрезвычайно мощный по своим полномочиям институт президентской власти, понимала, что существование частного способа организации собственности – это объективная социальная необходимость. Но она понимала и другое – что успешное развитие частного способа организации собственности с его производством и воспроизводством социальной конкуренции поставит под угрозу сам принцип существования бюрократической номенклатуры в редакции Конституции РФ 1993 г. (см. [26–31]). Нужен был тот вариант существования частного способа организации собственности, при котором номенклатурная бюрократия имела бы в своих руках все политико-правовые рычаги управления данным процессом, делая его регулируемым и допустимым.

Существованию частного способа организации собственности заведомо определялся параметр его допустимого функционирования, при котором государственно-бюрократическая номенклатура не испытывала бы никаких принципиальных проблем в осуществлении своего социального всемогущества. Она стремилась сделать управляемым потенциал

производства и воспроизводства социальной конкуренции, генерируемой частным способом организации собственности.

25 декабря 1993 г. вступила в законную силу Конституция РФ. За день до этого, 24 декабря 1993 г., был принят Указ Президента РФ № 2284 «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации»⁵. Стратегический вопрос будущего существования страны решался «второпях» Президентом Российской Федерации, не имевшим для этого достаточных правовых оснований, а главное – уже при официально принятом тексте Конституции РФ на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., где институт приватизации государственных и муниципальных предприятий не был предусмотрен.

Дальше – больше. 22 июля 1994 г. Президент РФ принимает Указ № 1535 «Об Основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года»⁶.

Начнём с того, что в соответствии с п. 1 ст. 15 Конституции РФ: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». В п.п. 1–2 ст. 76 Конституции РФ также закреплено: «1. По предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации. 2. По предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации». Наконец, положение п. 3 ст. 90 Конституции РФ: «Указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам».

Смотрим п. «д» ст. 71 Конституции РФ: «В ведении Российской Федерации находятся... федеральная государственная собственность и управление

ею...» В пп. «в» и «г» п. 1 ст. 72 Конституции РФ: «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся... в) вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; г) разграничение государственной собственности...» И в соответствии с пп. «г» и «е» п. 1 ст. 114: «Правительство Российской Федерации... г) осуществляет управление федеральной собственностью... е) осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью...»

Что мы видим, исходя из вышеприведённых конституционных положений, имеющих высшую юридическую силу и прямое действие?

Во-первых, в соответствии с п. 1 ст. 76 Конституции РФ и п. «д» ст. 71 Конституции РФ Указ Президента РФ не предусмотрен в качестве непосредственного акта нормативной правовой реализации по данному предмету ведения. Во-вторых, в соответствии с положениями п. 2 ст. 76 Конституции РФ и пп. «в» и «г» п. 1 ст. 72 Конституции РФ Указ Президента РФ не предусмотрен в качестве непосредственного акта нормативной правовой реализации по данному предмету ведения. В-третьих, в соответствии с положениями пп. «г», «е» п. 1 ст. 114 Конституции РФ Указ Президента РФ также не предусмотрен в качестве непосредственного акта нормативной правовой реализации по данному полномочию Правительства РФ. В-четвёртых, в соответствии с положениями п. 1 ст. 130 и п. 1 ст. 132 Конституции РФ муниципальная собственность не является предметом правового регулирования Президента РФ.

Из приведённых конституционных положений видно, что Указ Президента РФ от 22 июля 1994 г. № 1535 «Об Основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года» не соответствует требованиям положений п. 1 ст. 15, пп. 1–2 ст. 76, п. «д» ст. 71, пп. «в», «г» п. 1 ст. 72, пп. «г», «е» п. 1 ст. 114 Конституции РФ... Более того, в п. 6 данного Указа изощрённость действия номенклатуры федеральной бюрократии привела к псевдооформлению нового механизма правового регулирования: «Настоя-

⁵ Указ Президента РФ 24 декабря 1993 г. № 2284 «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 1. Ст. 2.

⁶ Указ Президента РФ от 22 июля 1994 г. № 1535 «Об Основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1478.

щий Указ вступает в силу с момента его опубликования и действует до принятия федерального закона "Об утверждении Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года"» (курсив наш. – А. Б.).

Эта конституционно необусловленная формула как бы легализовала тот факт, что соответствующий федеральный закон будет принят лишь 21 декабря 2001 г. (Федеральный закон от 21 декабря 2001 г.

№ 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»). Таким образом, собственность как основная системообразующая цель существования Российского государства в значительной степени была узурпирована номенклатурной бюрократией, превращавшей её как бы в предмет исключительного ведения своего узкокорпоративного сообщества, которым требования положений Конституции РФ по данному вопросу открыто и цинично игнорировались в угоду своему частному групповому интересу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С. Точка отсчёта – народ / С. Авакьян // PRO суверенную демократию : сб. / сост. Л.В. Поляков. – М. : Европа, 2007. – С. 333–347.
2. Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Д. А. Робинсон. – М. : АСТ, 2016. – 693 с.
3. Алексеева И.Ю. Какой посткапитализм нужен России? / И.Ю. Алексеева, А.П. Алексеев // Вопросы философии. – 2014. – № 10. – С. 14–24.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 1999. – 254 с.
5. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский. – М. : АСТ, 2015. – 288 с.
6. Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер. – М. : АСТ, 2015. – 511 с.
7. Бабурин С.Н. Интеграционный конституционализм : монография / С.Н. Бабурин. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 264 с.
8. Бутаков А.В. К исследованию новейшей истории российской государственности: Транзит / А.В. Бутаков. – Омск : ГП «Омская областная типография», 2016. – 416 с.
9. Бутаков А.В. К исследованию новейшей истории российской государственности: Собственность и государство. Всеобщее и единичное / А. В. Бутаков. – Омск : ГП «Омская областная типография», 2018. – 416 с.
10. Костюков А.Н. О правоприменении в современной России / А.Н. Костюков // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 159–172.
11. Аврутин Ю.Е. О методологии конституционно-правового исследования экономики / Ю.Е. Аврутин // Правоведение. – 2008. – № 1. – С.71–85.
12. Пастухов В.Б. У конституционной черты... Вызовы и ответы российского конституционализма / В. Б. Пастухов // Полис. – 2013. – № 1. – С. 7–31.
13. Кондрашев А.А. Конституция России: дефекты принятия и содержания. Преобразование, поправки или пересмотр? / А.А. Кондрашев // Государство и право. – 2016. – № 2. – С. 32–41.
14. Панаева В.В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации / В.В. Панаев // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 14–25.
15. Писарев А.Н. От коллективистской к либеральной демократии – переходное состояние Российского государства и общества: конституционно-правовые аспекты / А.Н. Писарев // Государство и право. – 2016. – № 12. – С. 88–91.
16. Рубаник В.Е. О своеобразии и уникальности русской традиции права собственности / В.Е. Рубаник // История государства и права. – 2009. – № 12. – С. 19–22.
17. Алейников Б.Н. Социальное государство и собственность / Б.Н. Алейников // Государство и право. – 2008. – № 1. – С. 5–13.
18. Ковалев А.М. Проблемы частной собственности, эксплуатации и отчуждения труда в обществе и их будущее / А.М. Ковалёв // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 5. – С. 3–20.

19. Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России / Л.Ю. Грудцына // Государство и право. – 2008. – № 11. – С. 33–40.
20. Чичерин Б.Н. Собственность и государство / Б.Н. Чичерин. – СПб. : Изд-во РХГА, 2005. – 822, [1] с.
21. Александер Дж. Власть, политика и гражданская сфера / Дж. Александер // Социс. – 2009. – № 10. – С. 3–17.
22. Бадковский Д. Вертикаль власти времён упадка стабильности / Д. Бадковский // PRO суверенную демократию : сб. / сост. Л. В. Поляков. – М. : Европа, 2007. – С. 517–525.
23. Бирюков Н.И. Генезис государственности в постсоветской России / Н.И. Бирюков // История государства и права. – 2006. – № 5. – С. 11–12.
24. Василенко А.В. Современное Российское государство (начало XXI в.): контуры идеологии / А.В. Василенко // Государство и право. – 2009. – № 6. – С. 12–19.
25. Иойрыш А.И. Оправданно ли создание госкорпораций как инструмента для активизации промышленной политики России? / А.И. Иойрыш, В.Г. Терентьев // Государство и право. – 2009. – № 7. – С. 47–53.
26. Кива А.В. Россия: путь к катастрофе или модернизации? / А.В. Кива // Социс. – 2010. – № 11. – С. 133–143.
27. Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / С. Коэн. – М. : АИРО-XXI ; СПб : Дмитрий Буланин, 2007. – 200 с.
28. Кревельд М.В. Расцвет и упадок государства / М.В. Кревельд; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 542, [1] с.
29. Ли Куан Ю. Сингапурская история: Из «третьего» мира в «первый» / Ю Ли Куан. – М. : Альпина Паблишер, 2011. – 656 с.
30. Мамут Л.С. Самоидентификация государства / Л.С. Мамут // Государство и право. – 2012. – № 7. – С. 92–95.
31. Мамут Л.С. Современная российская государственность и культура демократии / Л.С. Мамут // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 5–14.

REFERENCES

1. Avak'yan S. *The Starting Point is the Nation*, in: Polyakov L. V. (comp.) *PRO suverennuyu demokratiyu*. Moscow, Europa Publ., 2007. P. 333–247. (In Russ.).
2. Adzhemoglu D., Robinson. D. A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Moscow, AST Publ., 2016. 693 p. (In Russ.).
3. Alekseeva I.Yu., Alekseev A.P. What kind of post-capitalism does Russia need? *Voprosy filosofii*, 2014, no. 10, pp. 14–24. (In Russ.).
4. Brzezinsky Z. «*The Grand Chessboard*». Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. 254 p. (In Russ.).
5. Brzezinsky Z. *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*. Moscow, AST Publ., 2015. 288 p. (In Russ.).
6. Kissinger H. *World Order*. Moscow, AST Publ., 2015. 511 p. (In Russ.).
7. Baburin S.N. *Integrational constitutionalism*. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 264 p. (In Russ.).
8. Butakov A.V. *Exploring the latest history of Russian statehood: Transit*. Omsk, Omskaya oblastnaya tipografiya, 2016. 416 p. (In Russ.).
9. Butakov A.V. *Exploring the latest history of Russian statehood: Property and the state. The universal and the individual*. Omsk, Omskaya oblastnaya tipografiya, 2018. 416 p. (In Russ.).
10. Kostyukov A.N. About law enforcement in modern Russia. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 159–172. (In Russ.).
11. Avrutin Yu.E. On the methodology of constitutional and legal research of economics. *Pravovedenie*, 2008, no. 1, pp. 71–85. (In Russ.).
12. Pastuhov V.B. At the constitutional line... Challenges and responses of Russian constitutionalism. *Polis*, 2013, no. 1, pp. 7–31. (In Russ.).
13. Kondrashev A.A. Russian Constitution: defects of adoption and content. Reformation, amendments or revision? *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2016, no. 2, pp. 32–41. (In Russ.).

14. Panaeva V.V. Criteria for restricting human and civil rights in the Constitution of the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2013, no. 2, pp. 14–25. (In Russ.).
15. Pisarev A.N. From the collectivist liberal democracy the transitional state of the Russian state and society: constitutional-legal aspects. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2016, no. 12, pp. 88–91. (In Russ.).
16. Rubanik V.E. On the originality and uniqueness of the Russian tradition of property rights. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2009, no. 12, pp. 19–22. (In Russ.).
17. Aleynikov B.N. Social state and property. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2008, no. 1, pp. 5–13. (In Russ.).
18. Kovalev A.M. Problems of private property, exploitation and alienation of labor in society and their future. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2006, no. 5, pp. 3–20. (In Russ.).
19. Grudtsyna L.Yu. Private property and civil society in Russia. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2008, no. 11, pp. 33–40. (In Russ.).
20. Chicherin B.N. *Property and state*. Saint-Petersburg, RHGA Publ., 2005. 822, [1] p. (In Russ.).
21. Alexander J. Power, politics and the civil sphere. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009, no. 10, pp. 3–17. (In Russ.).
22. Badovskiy D. *The vertical of power during the decline of stability*, in: Polyakov L. V. (comp.) *PRO suverennuyu demokratiyu*. Moscow, Europa Publ., 2007. P. 517–525. (In Russ.).
23. Biryukov N.I. The genesis of statehood in post-Soviet Russia. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2006, no. 5, pp. 11–12. (In Russ.).
24. Vasilenko A.V. The modern Russian state (early XXI century): the circuits of ideology. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2009, no. 6, pp. 12–19. (In Russ.).
25. Ioyrysh A.I., Terent'ev V.G. Is the creation of state corporations justified as a tool for enhancing Russia's industrial policy? *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2009, no. 7, pp. 47–53. (In Russ.).
26. Kiva A.V. Russia: The Road to Disaster or to Modernization? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, no. 11, pp. 133–143. (In Russ.).
27. Cohen S. *Question of questions: Why did the Soviet Union end?* Moscow, AIRO-XXI Publ.; Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2007. 200 p. (In Russ.).
28. Krevel'd M.V. *The rise and decline of the state*. Moscow, IRISJEN Publ., 2006. 542, [1] p. (In Russ.).
29. Lee Kuan Yew. *From the Third World to the First. The Singapore Story. 1965–2000*. Moscow, Al'pina Publisher, 2011. 656 p. (In Russ.).
30. Mamut L.S. Self-identification of the state. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2012, no. 7, pp. 92–95. (In Russ.).
31. Mamut L.S. Modern Russian statehood and culture of democracy. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2009, no. 1, pp. 5–14. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бутаков Александр Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: anvikulowa@yandex.kz
SPIN-код РИНЦ: 9843-0789; AuthorID: 683256

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander V. Butakov – Doctor of Law, Professor, Department of Theory and History of State and Law Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: anvikulowa@yandex.kz
RSCI SPIN-code: 9843-0789; AuthorID: 683256

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бутаков А.В. Россия: собственность и государство. Из истории постсоветского правоприменения (Часть II) / А.В. Бутаков // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 5–15. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).5-15.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Butakov A.V. Russia: property and state. The history of post-Soviet law enforcement (Part II). *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 5–15. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).5-15. (In Russ.).